

Чужая женщина

Автор:

Ульяна Соболева

Чужая женщина

Ульяна Павловна Соболева

После того как жена ушла от меня к любовнику, я считал измену самым грязным поступком, а мужчин, которые спят с чужими женщинами презренными подонками... А потом встретил ее и закрутилось. Это была дьявольская страсть, помешательство, дикость какая-то... а оказалось, жизнь жестоко посмеялась надо мной и женщина, в которую я до безумия влюбился – чужая. И не просто чужая, а жена моего школьного друга.

В оформлении обложки использована фотография автора ArturVerkhovetskiy (Artur Verkhovetskiy), ресурс depositphotos. Лицензия #128994998

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Чужая женщина

Глава 1. Олег

У предательства довольно своеобразный вкус... вкус битого стекла на зубах. Бывает, челюсти сжимаются, а во рту скрипит, хрустит, язык режет и хочется прочистить горло. Там как ком из лезвий застрял, и никак не проглотить, и не

выплюнуть даже спустя время. Но я все же сплюнул и сунул руки в карманы короткого черного пальто, предварительно подняв воротник повыше. Холодно. До костей пробирает. Все из-за ветра проклятого и мелкого дождя, отвратительного, колючего, морозящего уже который день. Вроде бы сентябрь, а кажется, что конец октября, настолько резко похолодало. Редкие прохожие снуют по тротуару, старательно перешагивая через лужи, раскрывая зонты, когда дождь усиливается. Унылая опостылевшая серость, какая-то обреченность, плывущая по водостокам опавшими листьями цвета мертвого солнца и тонущая в водоворотах человеческого океана без надежды на спасение. Как и я в мареве оцепенения. Под вечным наркозом. Иду куда-то в поисках чего-то. Зачем? И сам не знаю. Бессмысленность властвует в моей жизни, как инфантильная старая царица в серых, унылых одеяниях, и теперь она со мной последнюю партию в шахматы доигрывает. А вдруг продует, дряхлая, и просвет какой-то заблестит в моем мраке. Где-то в висках ослабевшим набатом пульсирует слово «надо». У меня так всегда – через «не хочу» и «не могу», гранитное «надо». И плевать на все остальное. Поднял голову, машинально загладил пятерней влажные волосы назад и, посмотрев на стильную вывеску заведения, ухмыльнулся, бросая окурок в лужу щелчком пальцев. Как символично, вашу мать – «Опиум», могли б и «Героином» назвать, вряд ли это было бы преувеличением. Всего лишь месяц назад бывший опер Громов пришел бы сюда совсем по другому поводу и снес бы эту дверь к херам собачьим со словами «всем мордой в пол, руки за голову», устроил бы обыск под визг полуголых шлюх, цокающих на разноцветных «ходулях» по сцене, и под вопли обдолбанных мажорчиков, нервно пытающихся выудить смартфоны и набрать предков-толстосумов, которые спонсируют своих чад, наверное, чтобы они закинулись очередной дозой и, не дай Бог, не учились и не вкалывали. А сейчас я сам пришел сюда работать. Если возьмут, конечно. И, черт меня раздери, надо, чтоб взяли, иначе и этот раунд я суке-бессмыслице проиграю, а проигрывать осточертело настолько, что уже хотелось башкой о стены биться.

Всего лишь два дня назад вошел в «Опиум» впервые, а кажется, это было где-то в прошлой жизни, и я вижу сам себя, толкающего дубовую дверь с безвкусным львом на железной круглой ручке, и оказываюсь в прохладном помещении с ядовитым флуоресцентным освещением. Кислотным фоном играет совершенно бездарная электронная музыка, которую музыкой можно было назвать, только если никогда в жизни таковой не слышал. Но мне было плевать и на музыку, и на освещение. Особенно в тот день. Если меня не возьмут на работу, то встречи с детьми не светят, и тогда серая тварь обретет чудовищные размеры и вынесет мне смертный приговор.

Даже не оглядываясь по сторонам, я пошел к барной стойке. Мент во мне уже отсканировал помещение и запомнил малейшие детали интерьера. Нужно было выпить. Немедленно. Хотя бы глоток. Тело слегка знобило от начинающегося абстинентного синдрома, и я смахнул едва выступившие капли пота со лба. Всего лишь глоток... маленький глоточек, и сразу полегчало бы, и даже уверенность в себе появилась бы. А так трясло и свалить хотелось к дьяволу. Не привык я на работу проситься и задницу кому-то лизать. Привык сам, своими силами. А на поклон к бывшему урке, у которого с начальником Громова, подполковником Ермолаевым старая дружба имелась, идти не хотел, но выбора особо не было. Жизнь – она такая непредсказуемая сволочь, что, как говорится, «от тюрьмы и от сумы».

«И от предательства» ехидно хохотнула Бессмыслица, увеличиваясь в размерах и ставя мне очередной шах.

«– Гром, только не пей перед встречей. Охотник терпеть не может, когда при исполнении. И носом не верти. Я его редко о чем-то прошу. Сам знаешь, не пересекаемся мы, но ради тебя...

– Вы предупредили его?

– Еще вчера. Сейчас с работой паршиво. Сезон закончился. Он не обещал... но я расхвалил тебя, послужной список озвучил. В общем, не подведи. И попустишь немного. Гонор свой убавь.

– Да ладно. Может, и не возьмет.

– Возьмет-возьмет. Если, конечно, перегаром нести от тебя не будет. Ты... это. Ты не злись на меня, майор, приказ сверху пришел. Не мог я ничего сделать, да и накосячил ты так, что... прости.

– Знаю я. Все нормально, Петр Андреич. Я уже переварил.

Я врал. Ни черта я не переварил. Смотрел на подполковника Ермолаева, и всю эту богадельню спалить хотелось дотла. И Ермолаеву в рожу плюнуть, потому что трусливой псиной оказался. Пожилой, морщинистой, толстой псиной,

которой стыдно стало, и решил хотя бы как-то смягчить удар в спину и по протекции куда-то устроить, в то же время ни черта не обещая. Вроде как и помог, но сам не при делах. Вот тебе и Ермолаев, который за своих будто горой, а на самом деле – до тех пор, пока не прижмут хвост.

Мне уже под сорок, и я, мент по призванию, вдруг понял, что ни хрена не знаю людей. Притом никого: ни тех, с кем имел дело по работе, ни тех, кого считал родными. Мрази, продажные за разную цену, но продажные. Если задумываться об этом, хочется приставить табельный ствол к виску и щелкнуть затвором, но это было бы слишком просто. Да и табельного оружия у меня уже нет. А ведь я был хорошим ментом. Правильным. Честным. Фанатично любил свою работу. Знал, почему поперли, и не в алкоголе и превышении полномочий дело – сынок генерала Прохорова трахает мою жену (уже бывшую) около года, вот и выперли меня при первом же удобном случае, как и обещал желторотый ублюдок, пока в ногах ползал и кровью плевался. Об этом все знали. Самая любимая, топовая сплетня в отделении. Особенно после того, как последнему я сломал челюсть и несколько ребер, когда тот пытался помешать мне с детьми поговорить. Я бы и мозги ублюдку вынес одним выстрелом между глаз, но в последнюю минуту жена бывшая выскочила (твою ж мать, как же это естественно оказывается – называть ее бывшей), чуть ли не собой ублюдка прикрыла и орала, чтоб я убирался и это ее выбор. При детях, дрянь, при соседях, которые у дверей затаились послушать, и при кудахтающей теще.

«Выбор, да?... Сука продажная» – в лицо ей процедил и пальцы в кулак сжал, чтоб не ударить. Никогда в жизни на женщину руку не поднимал, а сейчас не просто хотелось – чесалась ладонь и зудела. И это не ревность, это какая-то дикая пустота и понимание, что вся моя жизнь – какой-то гнилой блеф, и даже дома ложь и лицемерие процветали под самым носом. Там, где тыл, и ты свято веришь, что надежней места нет, мне рыли могилу.

Омерзительно до дрожи во всем теле и рвотных спазмов в горле. Особенно когда понял, что они давно. Не вчера и не позавчера, а долбаные десять месяцев трахаются в нашем доме, на нашей постели, да и не только на постели. Все это напоминало дешевую мелодраму. Она ко мне в больницу пирожки носила и на стуле у постели сидела, рассказывая о детях, о том, что Сашка принес двойку по физике, и Таша не слушается бабушку, что надо дочери новые кроссовки купить, а я денег у Геры занял и ей отдал на следующий день, как оказалось, не на кроссовки, а на новые туфли для нее самой, в которых она на свидание со своим пошла, пока я валялся под капельницами.

Застал их лично. С больницы сбежал на выходной, а там, как в лучших традициях анекдотов про роконосцев, на супружеском ложе совокуплялись моя жена и какой-то молокосос со спущенными до колен рваными джинсами и серьгой в ухе, которая подпрыгивала в такт каждому толчку. И сука эта подвывала под ним, точь-в-точь как выла подо мной неделю назад на этой самой постели. Я к стене прислонился и сигарету в рот сунул, глядя остекленевшим взглядом на порнопредставление. Они меня заметили, когда в комнате сигаретным дымом завоняло. Жена жалко и растеряно поскуливала, лихорадочно заворачиваясь в простынь, а мудака ее все никак ширинку застегнуть не мог под моим пристальным взглядом. Потом футболку искал долго, пока я ему не кивнул головой на пол у прикроватной тумбы. Но едва тот захотел уйти, прищелкнул языком и ствол на него наставил. Ирина вскрикнула и заплакала, а ублюдок начал деньги предлагать, за что схлопотал по физиономии с козлиной бородкой ремнем и по ребрам железной бляхой. У меня рука тяжелая и удар точный, сокрушительный. Пару зубов выбил и челюсть сломал мрази. А ей тогда и слова не сказал. Смотреть на нее не мог. Только козлу ее молодому процедил презрительно, пока тот на четвереньках у моих ног шатался и плевался кровью на пол:

– Я все понимаю, мужик. Член не всегда можно удержать в штанах. Но, блядь... чужую женщину трахать – это как за кем-то объедки дожирать и кости обглаживать. Не по-мужски это. По-мудачьи. По-гнидовски. Давай, вали отсюда, пока я тебе яйца не отстрелил.

– Олеженька-а-а, прости. – тогда она еще прощения просила. Я следом за ублюдком уходил из дома, а жена за мной бежала. Видать, растерялась. Даже на шею пыталась вешаться.

– Пошла вон, шалава. – оттолкнул в сторону и выскочил на лестничную клетку. Ирина ушла сама и детей забрала уже на следующий день после нашего разговора утром. Потом она скажет, что я ее избил и выгнал. Потом. На суде. Чтобы окончательно меня добить и детьми наказать. Трусливая и жалкая, общеизвестная предсказуемая бабская война. Дети – как амбразура и ядерное оружие одновременно. А тогда еще оставались остатки совести. Какие-то жалкие крохи, которые ее мама окончательно вывела, как грязные пятна с белья. Через несколько дней жена начала активно делить имущество и требовать алименты.

Наверное, я бы ее понял, если бы она пришла и сказала, что это конец и что опостылел ей со своей гребаной работой, ночными дежурствами, неожиданными выездами и огромными психологическими проблемами после того случая со взрывом в метро. Пришла б и честно сказала, что любит другого, мол, так и так, давай разведемся по-человечески. Да, я бы понял. Всегда старался людей понять – работа такая. Но она по-сучьи, по-блядски мне врала. Раздвигала ноги перед обоими мужиками и лгала изо дня в день. Готовила любимые гребаные пирожки с капустой, стирала мои вещи, звонила на работу спросить, как я там, а на самом деле узнать, скоро ли вернусь домой, чтобы успеть потрахаться с гондоном своим желторотым. Волчонок – так она его называла, мать ее, пока он ее драл на супружеском ложе.

«Давай, Волчонок, глубже... дааа»

С-с-сука! Как вспомню, и тянет блевать. Я и блевал тогда. Нажрался водки до чертей наяву и выблевывал свои кишки и свою идиотскую наивность в унитаз в доме у Геры. Потом, уже утром, домой пьяный пришел и заставил ее, тварь паршивую, говорить. Смотреть в глаза и говорить. Как? Когда? Почему? А потом истерически хохотать над собственным идиотизмом и ничтожеством, когда она испуганно бормотала о том, что влюбилась и что больше так не может, и что нам надо развестись, что со мной невыносимо, и мои депрессии с запоями ей надоели, что я женщину в ней никогда не видел. Я свое отражение иногда в зеркале неделями не видел, не то что её. Да и что об этом думать – поступила, как поступила, сам себя не жалел, я просто понять не мог, как нож из-под лопатки достать и не сдохнуть. Только рука не дотягивалась. Смотрел на нежное и миловидное лицо женщины, прожившей со мной больше десяти лет, и не мог понять, когда оно стало чужим? В какой момент меня стали ненавидеть в этом доме и не ждать после работы, где я рисковал жизнью, а принимать в это время своего любовника, спихнув детей к матери. Что и в какой момент я недопонял в этой жизни? В каком месте был таким наивным лохом?

Ира кричала, что давно уйти хотела, но жалела меня, убогого, и, пока я наливал себе водки в стакан, сдерживаясь чтобы не ударить ее головой о стену, она собирала вещи. В комнате тихо плакала пятилетняя Таша, а двенадцатилетний Сашка ушел ночевать к другу еще вечером, мамаша отпустила. Меня продолжало знобить: при дочке, тварь. Даже не постеснялась. Ташу я так и не смог успокоить, а она руки ко мне тянула, когда Ирина к двери шла с сумками. И меня застопорило. С места сдвинуться не мог. Мне вдруг показалось, что от меня с мясом вот прямо сейчас отодрали кусок души. Сначала обгадили все внутри,

дерьмом измазали, а потом на куски порвали и куски эти с собой унесли, чтоб я вечно кровью истекал.

После того, как съехала к матери вместе с детьми, я каждый день по двести раз тело мочалкой тер и боролся с тошнотой, вспоминая, как молокосос на нашей кровати мою жену имел. Спать я там больше не стал, на диване обычно, в гостиной дремал после ее ухода. Смотрел на бывшую, когда к детям приходил, и понять не мог, как прожил с этим человеком тринадцать лет. А ведь любил. Наверное. Я вообще редко употреблял это слово – «любовь». Считал его слишком потасканным и пафосным. Мы расписались, когда я с армии пришел. Она меня ждала. Не потому что просил ждать, а потому что была влюблена еще с седьмого класса, а мне это льстило и нравилось, ведь Ира была самая красивая девочка в школе. Предложения не делал – она забеременела, и я честно женился. Никто не удивился этой свадьбе. «Ирка и Гром со школы вместе». «Красивая пара» – говорили про нас. И все было хорошо до тех пор, как... до тех пор, как я впервые не встретил смерть лицом к лицу. Встретил и увидел, как она утаскивает с собой тех, кого должен был спасти и не смог. Здесь наш брак и дал трещину. Я – в запой, а она – под другого мужика. Вот и вся любовь. В жизни все не красиво и не логично случается. Оказывается, жить с психом, орущим по ночам от бесконечных кошмаров, никто не хочет, как и терпеть его маленькую ментовскую зарплату.

«Олеженька, я так тебя люблю. Так люблю. Никогда не брошу. Я ведь дождалась тебя. Неужели ты меня оставишь? Никто тебя не будет любить так, как я. У нас ребеночек скоро появится, и мама на свадьбу нам денег даст».

Как вспомню голос ее приторный, так и раздражение накатывает. Мягко стелила, по-медовому, и врала, тварь. Кроме Сашки и Наташки, нет смысла в завтрашнем дне. Ради них я по утрам просыпался. Заставлял себя умыться, погладить рубашку, побриться раз в три-четыре дня и идти на работу, на которой тоже царствовала та самая бессмыслица, как и во всей моей жизни.

Ирина говорила о том, что меня не бывало дома сутками, а я думал о том, чтоб денег домой принести больше. Хотел в звании чтоб повысили, чтоб льготы всякие, чтоб ее на море свозить. Вот так банально. «Да лошара ты последний, майор Громов. Ее е***рь в Италию повез, а ты – Сочи. Кому нужен, на хер, твой Сочи, на который ты год впахивал и бабки честно откладывал в конвертик? Кому нужны твои депрессняки и проблемы с психикой? Особенно если рядом мажор с увесистой пачкой денег, и он колечко подогнал с брюликом и шмотки новые».

Они, оказывается, познакомились на дне рождения его отца, куда пригласили всех сотрудников, в том числе и меня с женой. Потом случайно в городе встретились, и как-то все произошло. Мило, блядь, и романтично трахнулись у него в машине.

«– Мне надоело с тобой в кровати одно и то же каждый раз... надоела вечная гонка за деньгами. Надоели драные колготки. Все опостылело. Ты даже не замечаешь, что у меня причёска новая!

– И поэтому ты решила потрахаться с другим мужиком?

– Да! Решила! Тебя сутками дома нет! А я молодая, я жить хочу! И трахаться хочу где-то, кроме постели!

– Так сказала бы, я б тебя в прихожей отодрал или на лестничной площадке.

– А ты бы лучше сам додумался.

– Где он еще тебя трахал?

– Везде, где не трахал ты!»

Когда она это сказала, я не удержался и дал ей пощечину – избил, так сказать. Ирина именно это и говорила в суде об этой пощечине.

Конечно, в плане бурного секса все было сложно последние годы, особенно если по ночам работал. Когда от усталости не то что член не стоит, но даже пальцем пошевелить не можешь, так как засыпаешь сам, стоя, как лошадь. Но спустя тринадцать лет брака мне казалось, что все у нас зашибись в постели, видать, не так трахал и не там. А может, и правда не смотрел на нее, как раньше. Не знал, как смотреть нужно... не умел пока еще, и лучше бы так и оставалось. Права она, наверное. Могла бы, конечно, поговорить... могла бы попытаться. Я даже не знал, что у нас, оказывается, были проблемы с сексом. Проверил в тот же вечер, насколько они серьезные с продавщицей из супермаркета – вроде все нормально: та стонала и кончала, как заведенная, еще и в глаза заглядывала, застегивая блузку на подвешенной большой мясистой груди и спрашивая, когда ждать повторения. Повторение последовало на следующий день. Я после

развода как с цепи сорвался – все, что движется, отымел. Даже не знал, что бабы на меня так реагируют. Потому что не смотрел на других, ведь раньше меня своя устраивала.

Я даже вроде как простил жену... потом... спустя полгода. Но чувство гадливости осталось. В себя прийти оказалось совсем непросто, мне теперь по ночам снились не только покорёженное и обугленное железо вперемешку с человеческими частями тел, но и трахающаяся посреди этого апокалипсиса Ирина со своим сосунком лет на десять моложе. Я так и видел, как в ухе сына генерала сережка в такт толчкам качается и клацает, а вместе с ней – петли на ржавых поручнях сгоревшего вагона.

Я обычно просыпался посреди ночи в холодном поту, иногда один, иногда с какой-то очередной девкой, шел на кухню в полной темноте. Мыл граненый стакан и наливал ледяной водки. Выпью до дна, поставлю стакан обратно в раковину и сажусь на пол, чтобы курить в тишине, поблескивая оранжевым зрачком сигареты, и смотреть в светящиеся глаза коту, который в День Освобождения Жилплощади Ириной Сергеевной Громовой просто исчез и объявился лишь тогда, когда она съехала. Кот оказался более верным, чем его хозяйка. Хотя это с какой стороны посмотреть – потому что принесла его Ирина, и он всегда считался ее зверем. Но трехцветный блохастый засранец, видимо, решил иначе.

– Вась, ты это зря. – кажется, его именно так жена звала, – Она лучше кормит и за ухом чесать будет, и хахаль ее когтеточку тебе купит или как эта мура называется. И консервы. Завтра отловлю и к ней отвезу. Царапаться можешь до посинения, но тут ты не останешься.

Кот боднул меня в лодыжку. Потерся цветной мордой о тапки и улегся у моих ног. На следующий день он поймал муху и принес мне трофей, положил на подушку.

– Ну это, Вась, уже коррупция. За такое сам знаешь...

Шерстяной запрыгнул на диван, свернулся клубком совсем рядом с мухой и заурчал, когда я его между ушей почесал.

– Ладно, оставайся. Только не жалуйся потом. Я предупреждал. И мух не жри.

С тех пор на трехцветном засранце появился ошейник от блох, и в доме завелся кошачий корм, иногда в ущерб обеду для самого хозяина.

* * *

Возле барной стойки невыносимо пахло спиртным. Настолько невыносимо, что у меня засосало под ложечкой и свело скулы. Начало знобить еще сильнее.

– Вам кого? – спросил бармен, протирая бокалы и поглядывая на дверь, видимо, ожидая, что охрана выставит меня из помещения. – Мы еще закрыты.

– Меня Охотник ждет.

Осмотрел с ног до головы. Тоже привык сканировать, только на предмет платежеспособности – вряд ли я в этом плане вызывал доверие. Гол как сокол. В кармане две дырки. В холодильнике кусок самой дешевой колбасы и полбутылки «Столичной». В животе все скрутило в узел при мысли о колбасе. Надо было поесть перед этим спектаклем, финал которого я знал заранее, – не возьмут.

– Ваши здесь недавно были. – проворчал бармен и бокал повертел перед светом, глядя сквозь него на свет. – Чисто у нас все. Ходят и ходят.

По мне всегда было видно. Хоть трижды в штатском, хоть в Ира говорила, что у меня взгляд мента. Я смотрю иначе, словно обыск провожу, и нотки в голосе такие, как будто допрашиваю. Сейчас я уже не знал, нравилось ей или нет. Наверное, нет. От мыслей о бывшей жене передернуло и снова дико выпить захотелось. Особенно когда вспомнил, как после драки с ее козлом сразу же заяву подала, что я опасен для общества и для Сашки с Наташей. Мне запретили приближаться к детям в течение месяца. Как быстро все меняется: еще за неделю до того, как сыну полковника челюсть свернул, судья звонил с личной просьбой, прикормленный был, а потом прикормили получше, и все. И не было никакой дружбы. Знал, видать, сука, что меня попрут с органов в ближайшее время.

– Иди, скажи ему, Гром пришел. Он знает. Я по личному делу. – бармен бросил взгляд на мои подрагивающие пальцы и, вздёрнув бровь, поставил бокал на

полку.

- Если знает, сам сейчас спустится. Ждите.

Охотникова я видел один раз у Петра Андреевича на юбилее. Бывший афганец, молчаливый, с цепким, пристальным взглядом. За столом слова не сказал и ни одного тоста не произнес. Я его запомнил из-за шрама на левой щеке и вот этой молчаливости. Он не пил, только минералку себе подливал. При мысли о выпивке снова бросило в пот. Не выдержал.

- Эй, налей мне водки.

- Какой? - высокомерно спросил бармен и снова окинул меня скептическим взглядом, да, я высокий под два метра, чуть худощавый. Раньше был всегда в форме, а теперь немного сдал, под немодным пальто темно-синий свитер, в каких полгорода ходит, и воротник белой отглаженной рубашки сверкает в неоновом освещении. Я знаю, о чем он думает... что я мент поганый. Сразу ведь видно, что мент. Зачем Охотнику ментяра среди своих, бармену не ясно.

- «Столичная» есть?

- Здесь такое дерьмо не наливают, это престижное заведение.

«Не для таких нищевродов, как ты, мусор поганый». Вслух не сказал. Но взгляд мой точно сверкнул яростью, я подтекст и так услышал. А он назад дернулся.

- А что здесь наливают? - подался вперед и ладонь на барную стойку положил. Бармен скосил взгляд на мои сбитые костяшки пальцев и еще чуть отшатнулся назад.

- «Блэк Джек», например.

- Сколько?

Когда Жак назвал цену, я полез в карман за портмоне, заглянул туда и положил обратно. Раздражённо оглянулся по сторонам. Увидел глазки камер под потолком над самой барной стойкой. Ожидание начинало бесить, и я стукнул

кулаком по зеркальной поверхности барной стойки.

- Иди скажи Охотнику, что я здесь.

- Жак, налей красавчику за мой счет, - женский голос заставил оглянуться, одна из танцовщиц в блестящих серебристых шортиках и очень коротком топе подошла к бару и облокотилась о стойку голой спиной, накручивая на палец длинный локон ослепительно-белых волос, - привет, красавчик. Ты к нам по работе или на огонек заглянул?

- По работе заглянул на огонек.

Взгляд ей на грудь опустил и подумал о том, что бабы у меня больше месяца не было из-за бракоразводного процесса вкупе с запоем. Скулы свело от желания помять эту грудь, пусть и силиконовую. На безрыбье...

- Обманываешь, - проворковала девушка и провела пальчиком по моей руке, - вы при исполнении не пьете. Жак, я сказала налей.

- Уймись, Мона. Может, он не хочет.

- Хочет, - она подмигнула, и я ощутил, как в ответ шевельнулся член. О да, я хотел. Отыметь ее где-то в туалете, а можно прямо в моей машине. Притом она явно готова дать. На шлюх у меня сегодня денег не было... а трахаться захотелось до дрожи. Выпить и грязно, долго иметь вот эту блондинку. Впрочем, и брюнетка какая-нибудь тоже бы сгодилась. Осмотрел девушку с ног до головы и встретился с ней взглядом. Знакомый блеск и приоткрытые губы, блестящие от помады. Она призывно провела по ним розовым язычком, а я представил этот рот на своем члене и плотоядно ей улыбнулся.

- У вас все такие красавчики, или только ты один такой? - приблизилась почти вплотную.

- А тебе нужны все? Тяжко не будет со всеми-то?

- Нагл-ы-ы-ый, - не обиделась, водит пальцем по моему запястью, - а ты один потянешь?

Наклонился к ее уху:

– Если ты о деньгах, то не потяну, а отодрать могу за все отделение прямо здесь и сейчас.

– Сукин сын, – а взгляд поплыл. Они всегда так реагировали из-за моей физиономии и «небесно-голубых глаз». Даже на грубость или сарказм. Иногда это страшно мешало в работе, а иногда помогало, но чаще раздражало. Подернутые поволокой взгляды, намеки и ужимки. Меня пытались соблазнить ровно до тех пор, пока я бесцеремонно не показывал полное отсутствие интереса, и тогда их восхищение мгновенно перетекало в яростную ненависть. Женщины не любят, когда им отказывают. Они это ненавидят гораздо больше мужиков. Мужики могут допустить, что кто-то не хочет перед ними раздвинуть ноги, а вот женщины считают, что стоит им намекнуть на секс, и у мужика тут же должен окаменеть член, свести судорогой яйца и потечь слюни. У меня слюни не текли, и член на каждую юбку мгновенно не вставал уже давно. Я пресытился. Им было нечем меня удивить. Особенно после развода, когда сам не помнил ни их имена, ни каким образом они оказались в моей постели, ни как выпроводить очередную за дверь, чтобы опохмелиться в одиночестве после очередного ночного кошмара.

– Твою ж мать, – выругалась сквозь зубы, и я обернулся на дверь заведения – в помещение зашли несколько парней в кожаных куртках. Под куртками явно стволы спрятаны. Я был уверен в этом на все двести процентов. Рука машинально дернулась за пазуху к кобуре и ощупала пустоту – оружия, естественно, не было.

– Кто это?

– Козлы одни. Дань пришли собирать, – шепнула блондинка, – натурой. Отдашь меня, красавчик, рэкету на растерзание или все же себе оставишь?

Честно говоря, мне было по хрен, кому она достанется, меня больше занимал «Блэк Джэк» в бокале и два урода, которые смели мой виски на пол. Я тогда уложил их и без пушки. Расшвырял по сторонам и даже ущерба помещению не нанес. Охотник вышел только после того, как я последнего из собирателей десятины на улицу вынес и ткнул мордой в лужу, швырнув ствол прикурка туда же.

На работу меня взяли, но лучше бы шел я тогда домой «Столичную» хлебать, доигрывать партию в шахматы с серой сукой и даже проиграть ей. Но я все же поставил ей мат. А на самом деле, оказалось, что не ей, а себе.

В этот вечер народу было больше, чем обычно, и я стоял рядом со сценой возле бара, где извивались полуголые девицы вместе с блондинкой Моной. Я равнодушно сканировал помещение, разглядывая сквозь пелену сигаретного дыма танцующих и новых посетителей и стараясь не обращать внимания на говномузыку, от которой болели уши и дергались барабанные перепонки. Где-то совсем рядом доносилась ругань и за барной стойкой что-то разбилось. Вначале хотел рвануть туда, но увидел злое лицо Жака, растерянную физиономию парня с зелеными волосами и успокоился.

А потом мне словно дали под дых... нет, не в солнечное сплетение, а под ребра, туда, где сердце до этого момента размеренно качало кровь по венам. Я медленно поворачивал голову на звук. Очень медленно, как мне потом казалось. Где-то подсознательно уже понял, что попал на крючок. Да, еще до того, как подошла к барной стойке. Просто услышал голос. Мелодичный, чуть низковатый голос и тихий смех. А когда увидел – почувствовал, как всего опалило порывом горящего кислорода. Словно из самого адского пекла обдало кипятком. Девушка склонилась над барной стойкой, смеясь вместе с подружкой, которая потерялась на ее фоне, и от волшебного-золотистых длинных волос пахло цветами. Каким-то весенним ароматом с тяжестью майской грозы. Меня пронизало тысячами молний. Впервые в жизни. Я смотрел на НЕЕ во все глаза. Сам не понимал, что пялюсь, как идиот, не в силах пошевелиться и спугнуть это дикое ощущение внутри, словно еще слабые завихрения смертоносного торнадо. Толкнул локтем чей-то бокал, тот с грохотом разбился под тихий мат Жака, и она обернулась, а меня оглушило взорвавшимися аккордами в голове:

Смотри же и глазам своим не верь,

На небе затаился черный зверь.

В глазах его я чувствую беду.

Не знал и не узнаю никогда,

Зачем ему нужна твоя душа:

Она гореть не сможет и в аду

(с) Агата Кристи «Черная луна»

Я еще не различил цвет ее глаз и все черты лица, не осмотрел жадным мужским взглядом сочное тело под тонким трикотажным платьем, только волосы, которые сияли, как те опавшие листья цвета мертвого солнца на воде, и запах. Сводящий с ума и мгновенно превращающий в наркомана. Она вся как-то по-особенному светилась, отличалась от всех. Долго смотрела мне в глаза, и я буквально слышал, как потрескивают в воздухе искры электричества, отвернулась, обхватывая бокал тонкими пальцами, опуская длинные ресницы. Я щекотку почувствовал где-то внутри желудка с изнанки. Щекотку от взмаха её ресниц. Она была нереально красивой, невозможно красивой, до рези в склерах и боли в висках, никогда не встречал кого-то похожего на неё, и меня бросило в лихорадочную дрожь, я протрезвел и опьянел одновременно. Весь вечер ходил за ней, как тень. Смотрел, наблюдал и втягивал ее запах. Казалось, я его как зверь чую на расстоянии. Вечеринка закончилась внезапно. Заведение закрылось около трех часов ночи, и я проводил её взглядом до крутой тачки, а потом прислонился к стене, глубоко и прерывисто дыша. Что это, мать вашу, со мной сейчас происходило?

– Красавчиик, – голос ядовитой блондинки-танцовщицы заставил очнуться и вспомнить, что синица в руках или на коленях в сухой траве если не лучше, то очень даже неплохо. Я отымел ее у стены здания, вдалбливаясь сзади и представляя, как задрал бы дорогушее платье золотоволосой незнакомки и трахал бы ее точно так же. Это не вязалось с тем чувственным трепетом внутри него, и это было дьявольским, диким ощущением зарождающегося сумасшествия.

Пока значение слова «любовь» понимаешь в общепринятом, потасканном смысле, и оно еще не стало смертельным диагнозом, ты, в принципе, вполне нормальный и даже счастливый человек. И рядом с обычной любовью злорадно скалится «никогда». Слово-насмешка, слово-издевательство, оно-то точно знает, что ты обязательно об него споткнешься и разобьешься, падая с высоты в самую бездну.

Я увидел ее следующей ночью. Нет, не ждал. Думал о ней до вязкой нескончаемой бессонницы, но, конечно, не ждал. Я не был настолько самоуверенным ублюдком, чтобы на что-то надеяться. Я, скорее, чувствовал себя жалким шутком, который посмел мечтать о королеве. Есть такие женщины, на которых смотришь и понимаешь – она мне не по карману. И я ведь сейчас совсем не о деньгах. Таких страшно любить, потому что это конец всему, твой конец как личности прежде всего. Но я не понимал этого тогда, я, скорее, инстинктивно почувствовал, как опалило легкие от вспышки пламени внутри, едва увидел, как она вышла из такси и перекинула сумочку через плечо. Ярко-ядовитое освещение клуба выхватило точеную фигурку из полумрака улицы, и я втянул воздух, чтобы забыть, как его выдохнуть. Пальцы нервно дернули воротник застегнутой на все пуговицы рабочей черной рубашки с нашитым на нагрудном кармане названием охранного агентства «Медведь», и взлетели к козырьку идиотской шапки, чтобы поправить. Стою, как лох, и пошевелиться не могу, а на ней шикарное платье цвета кофе-с молоком, и стразы сверкают при каждом шаге, колышутся на пышной груди, и волосы тяжелыми волнами падают на обнаженные плечи и развеваются у нее за спиной. Она выглядела так, словно на ней нет одежды. Нет, платье не было вызывающим, просто она его так умела носить, словно на ней тончайшее кружевное белье, и она знает, что на нее с восхищением смотрят голодные самцы, роняя слюни, да что там – заливая ими порог «Опиума». Улыбается кому-то, а я понимаю, что смотреть могу только на нее, как идиот, как полный кретин, которого просто заклинило. Мягкая грация в каждом движении и походка модели от бедра, не идет – плывет. Поднимается по ступеням вверх. Одна... вторая... третья. А у меня кровь шумит в ушах, и сердце отбивает глухими ударами по ребрам. Поравняется, и я сдохну. Вот так, стоя на месте, превращусь в труп от бешеного волнения. Вряд ли мужики вообще говорят и думаю всякую романтическую хрень, по крайней мере, я был в этом уверен всего лишь вчера. О красоте глаз женщине говорят, когда хотят, чтоб сняла трусики или позволила это сделать вам, и раздвинула ножки пошире. И я сам это говорил не раз, даже бывшей жене в самом начале наших отношений, потом это уже не имеет значения: вам либо дают, либо нет... И глаза уже не имеют к этому никакого отношения, скорее, наличие денег или подарка.

А сейчас понял, что такое, мать вашу, раствориться во взгляде и полететь в пропасть. Светло-янтарные, как у кошки. Не видел такого цвета раньше, даже решил, что это линзы, и смотрит так... как не смотрят на таких, как я. Или я фантазирую. Во взгляде узнавание легким взмахом ресниц, и снова этот взмах отозвался где-то внутри. Я ее сумочку беру, чтобы проверить, а сам падаю и падаю прямым в пекло. В болото вязкое и глубокое. Пальцы что-то щупают

внутри сумки и чисто механически отмечаю все, что нахожу, продолжая смотреть ей в глаза. Время остановилось. Зависло на этой секунде и тут же сорвалось вскачь, когда она, забирая сумочку, тронула мои пальцы своими. Разряд тока в тысячу вольт притом обоих. Потому что она вздрогнула вместе со мной. Разве так бывает? Уходит. А я вслед смотрю, судорожно сглатывая сухим горлом хаотичные вдохи.

Я еще не осознавал, что лезу в капкан, из которого выхода не будет. У таких женщин слишком много власти в этом гребанном настоящем, когда мужчина готов сдохнуть за улыбку вот такой вот безумно дорогой и недоступной куклы, бросить к ее ногам абсолютно все, что имеет, и остаться в итоге ни с чем. Я ведь видел, что не для меня. Не по мне. Не по зубам. И захотел от того в разы сильнее. Мне даже жизнь моя показалась какой-то серой еще вчера и до рези в глазах разноцветной сегодня.

– Ты приглашение у нее не спросил? – над ухом гнусавый голос Романова. Жует втихаря булку, переданную женой. Стоя у меня за спиной. Вечно голодный, жрёт паек до последней крошки и у пацанов просит, кто не хочет свое. Да, я за один день узнал о них почти все. Мне не нужно много времени, чтобы собрать информацию – это уже привычка.

– Думаешь, такая без приглашения по закрытым вечеринкам ходит? – огрызнулся я, чувствуя, как все еще сохнет в горле. «А вчера ее тоже пригласили? Вчера вроде другая вечеринка была». Ради меня пришла? Кретин, три раза ради тебя. Ты для нее здесь предмет мебели, а то и вовсе невидимка.

– Хороша сучка, да?

Тряхнул головой, но взгляд от ее плавной походки и качающихся бедер, которые обтянул кофейный трикотаж, не отвел. Нога в разрезе, телесная резинка чулок, тонкая лодыжка и высоченный каблук-шпилька. Возникло адское желание провести кончиками пальцев вдоль разреза наверх, к трусикам, я был почему-то уверен, что они кружевные черные, одновременно вдыхая аромат ее волос.

– Гром, слюни подбери, – посмотрел на напарника, вздернувшего одну бровь, – здесь таких кукол сотни. Насмотришься еще. У вас в ваших обезьянниках таких поди и не было никогда, м? Но нам не светит, разве что только подрочить над толчком или трахая какую-то шлюху. А эти высокомерные твари, – кивнул на мою

Незнакомку, – на нас как на людей не смотрят. Забуди. Она в твою сторону даже грязную салфетку не бросит. А если и бросят ее инстаграмовские фанатики подхватят и растащат на кусочки.

– Ты знаешь, кто это? – я бы многое отдал хотя бы за имя.

– Понятия не имею. Первый раз вижу. Для меня они вообще все похожи.

Теперь он смотрит на нее.

– Хотя нет. Эта другая. Подороже здешних будет. Занесло на вечеринку, видать. Красивая сука. Очень красивая. Задница и ноги – охренеть просто. Есть же такие королевы, что, когда о сексе с ними думаешь, сразу шелковые простыни представляешь в номере, который стоит сто твоих зарплат, и, блядь, член тут же падает, но я б ей вставил... если б дала, – он заржал, а мне захотелось кулаком в солнечное сплетение, чтоб не смотрел вот так. Черт, я вижу эту женщину второй раз в жизни. Я имени ее не знаю, и не моя она и моей никогда не станет. Наваждение какое-то.

– Первый? А она здесь и вчера была.

– Да ладно. Не гони! Я б запомнил.

– Была. В серебристом платье. На красном порше приехала с подругой. Уехала после закрытия сразу.

– Пшшшшш... какая память зрительная. Ну куда нам до ваших ментовских способностей.

– Далеко, Романов, далеко вам. У тебя, вон глянь, с заднего хода типы какие-то ломаются, явно не из вашего контингента. Вечеринка закрытая, или я ошибаюсь? А их пропустили вроде как.

– Твою ж мать, Толяян, сука, что ж ты молчишь. – рыкнул и ломанулся на другой конец зала, подхватывая рацию.

– Не пускать. Вывести из зала. Я вам что говорил? Да мне по хер, что они с бабками. Здесь уровень другой – выводы, с меня Охотник три шкуры спустит.

Я усмехаюсь его суете и снова в зал смотрю... сканирую, ее ищу. Под ребрами быстрыми толчками фонтанирует кипяток, как и при первой встрече. И я тенью преследую, теряясь в пространстве и двигаясь за ней как за магнитом. Ревностно следя, чтоб ни одна мразь не пристала и не подкатила. Мне вообще начало казаться, что вокруг меня происходит дьявольский сюрреалистический спектакль, в котором я стал главным персонажем, и я не узнаю сам себя, но мне все нравится. Отвлекся на пару придурков с дорожками кокса, захотелось подбить руки с купюрами и в шею вытолкать из помещения, но я уже не мент, а охранный пес, которому должно быть по хер, чем они накачиваются. Мое дело, чтоб помещение не разнесли и друг друга не поубивали. Все остальное меня не касается.

Вскинул голову, маниакально ища ее взглядом. Пару панических ударов сердца под дых, и нашел. Незнакомка стоит возле бара, плавно пританцовывая в такт какой-то безвкусной стрип-музыке, которая уже не кажется мне убогой, потому что эта женщина двигается под нее нереально прекрасно. И я вдруг понимаю, что ощущаю, глядя на нее – жажду. Словно я всю жизнь не сделал и глотка воды или пил какую-то дрянь, пересох в пустыне собственной бессмыслицы настолько, что теперь меня трясло в примитивном желании наброситься на источник и в благоговении сжимать дрожащими руками. Она даже не подозревает, что я стою сзади, облокотившись на колонну, сжимая одной рукой рацию. А другой нервно прокручиваю в кармане зажигалку – курить хочется невыносимо, а я боюсь отойти и, вернувшись, понять, что ее здесь больше нет. Словно это зависело от моего присутствия – уйдет ли она или останется. Но я всегда любил контролировать все, что со мной происходит, даже стакан водки, который подносил ко рту – был моим личным контролем, и я решал, сколько дряни в себя влить и когда... Я управляю всем, пусть даже когда качусь на самое дно – это мое решение. Оказывается, все – жалкая иллюзия. Невозможно контролировать то, что тебе не принадлежит. Например, людей и их поступки. Предвидеть – да, а контролировать – нет. С эмоциями так же. Есть те, кто утверждают, что умеют их сдерживать – ерунда. Черта с два умеют. Видимость. Жалкие маски, которые посдирает к такой-то матери, когда рванет. И взрывает каждого рано или поздно. А это всего лишь отсрочка, пока тикает механизм до того, как вас вывернет наизнанку. Меня вывернуло в тот момент, когда увидел ее впервые. Мне было плевать, кто она. Как ее зовут, сколько ей лет и где она живет. Такое чувство полной протрации. Я бы полюбил любое имя, которым бы она назвалась. Кто-то скажет «безумие, и так не бывает». Нет, мать вашу!

Бывает. В той жизни бывает буквально все. Я видел на своей работе такое, чего вы все не видели в самых страшных кошмарах и даже представить себе не могли. Не бывает кровь желтого цвета и снег зеленого, и то от природы, а все остальное так бывает, что, когда с вами это случается, вы просто охреневаете. Как я сейчас, пока держал себя в руках железным усилием воли, чтоб не приблизиться, чтоб попутно отвечать по рации напарникам, просматривать помещение и возвращаться к ней снова, глотая жадными глотками минералку и не утоляя жажды – в горле так же сухо. А ведь я со вчерашнего дня ни капли спиртного в рот не взял. И не хочется. Мне ее хочется. До дрожи в пальцах.

Незнакомка сидит на высоком стуле, лицом ко мне, потягивает из соломинки коктейль. Сегодня она здесь одна. Отстукивает мелодию тонкими пальцами, и ее золотистые волосы струятся по плечу, касаясь резко очерченной скулы, и я сгораю от потребности ощутить, какие они на ощупь эти волосы. Пальцами невольно жест повторил, которым бы провел по ее волосам. Псих конченный, может быть, так и становятся маньяками?

Подняла голову и посмотрела прямо на меня.

В рации трещит голос Романова:

– У тебя все спокойно, Гром?

– Спокойно.

Ни хрена у меня не спокойно, у меня личный апокалипсис случился. Быстрый взгляд на Незнакомку, а она все так же смотрит, слегка склонив голову вперед. Нет. Не манит. Смотрит просто так, что кожа начинает дымиться. А потом вдруг прыгнула легким движением со стула, и я вздох пропустил, впившись взглядом в обнажившиеся до бедер стройные ноги и полоску черных трусиков. Секунда, а меня в жар швырнуло, и я рванул верхнюю пуговицу на рубашке. Чертыхнулся, когда она направилась прямо к сцене. В клубе запрещено подниматься на подиум к танцовщицам и танцорам. Но сейчас сцена пуста, и, в конце концов, играет нечто похожее на музыку: тонким женским голосом тянет блюз из колонок под потолком. Паршиво. Бездарно. Но чертовски сексуально. Напоминает фильмы восьмидесятых. Как и ее потрясающее платье, обтягивающее тело сзади, словно вторая кожа.

Протискиваюсь между танцующими, следом за ней, чтобы поймать у самой сцены. Взял за руку чуть выше локтя, она обернулась резко, хлестнув меня своими роскошными волосами по лицу, и от оглушительного запаха засосало под ложечкой той самой жаждой бешеной. Близко настолько, что я ощущаю каждый её горячий вздох на своём лице. Щекочет нервы.

– Запрещено, – скорее, хрипло выдохнул, чем произнес, когда заметил, как Незнакомка смотрит на мои пальцы, сомкнувшиеся на её голой руке. Контрастом темное на сливочно-белом. На нежной женской коже выступили мурашки, а у меня дух перехватило, когда длинные ресницы медленно поднялись и она посмотрела мне в глаза. И пальцы сами разжимаются, скользя по локтю вниз, и я лишь как последний дурак пялюсь ей вслед. Поднялась на сцену... и все. Гребаный земной шар перестал вращаться. На нее уставились все. Нет. Это не было банальным стрип-танцем. Она танцевала для себя и в то же время прекрасно понимала, что делает. Все движения отточенные, выверенные и четко под музыку. Изгибается. Крутится на шесте, и проклятое платье задирается вверх, обнажая сильные ноги, сжимающие неоновую палку. Гибкая, как кошка, тело гнется, выкручивается туда, куда она хочет, длинные ноги взлетают вверх, захватывая шест, и она висит вниз головой, скользя к самому полу рывками под музыку, чтоб тут же, перевернувшись и взметнув подол до самых трусиков, стать на ноги, прогнуться и плавно подняться, волнообразно двигаясь возле шеста, и у меня твердеет член, и пот каплями выступает на спине. Твою ж мать! Поправил штаны и судорожно сглотнул, горло обожгло засухой снова.

– Ээээй, детка. А я к тебе, – пьяный выкрик, и какой-то идиот начал взбираться на сцену, явно нанюханный какой-то дрянью и возбужденный танцем Незнакомки. Я сам не понял, как с раздражением отшвырнул его назад в толпу.

– Охренел, урод?! Пошел отсюда! Я танцевать хочу. Ты кто такой вообще? Исчезни, псина.

Схватил ублюдка пятерней за лицо и толкнул в толпу со всей дури, чтоб улетел. Не сводя с нее жадного взгляда. А она, словно и не здесь, танцует сама себе, волосы развеваются, подол платья скользит по ногам вверх и вниз мягкими складками. Обхватила пальцами шест, прислонилась спиной, скользя вниз на корточки.

На меня сзади налетел кто-то, хватая за шею. Реакция не заставила себя ждать. Перевернул через себя и завалил на пол, подкинув носком тяжелого ботинка под

ребра.

– Охрана беспредел творит! – взвыл мажор, естественно, появились верные друзья-товарищи «жертвы», и началась драка, слышу, как наши ввязались, бью со всей дури, меня бьют, и по лицу кровь течет, а мне по хрен, я смотрю, как она танцует. Уродую, калечу кого-то тяжелыми методичными ударами в лицо, в живот, по печени и не слышу ничего, кроме музыки проклятой, и не вижу ничего, кроме тонкого силуэта на сцене.

– Гром, у него нож, осторожно. – голос Романова сквозь ор толпы и музыку.

А она как будто теперь для меня танцует и мне в глаза смотрит, извиваясь так мягко и сексуально, что мне кажется, она вся из жидкого фарфора сделана. По щеке полоснуло лезвие. Она танцует быстрее, а я за острие ладонью схватился, дернул в сторону и лбом ублюдка прямо в переносицу, послышался хруст и вопль. На меня набросились несколько человек и завалили на пол, началось самое настоящее месиво. Раскидал пьяных дебилов и на ноги вскочил. Взгляд на сцену, а ее там нет. Быстро, по всему помещению, так резко, что перед глазами все вертится. Блестки ее ищущи и волосы цвета мертвого солнца, удерживая за шиворот придурка, который ножом меня зацепил. Пока высматриваю, со всей дури – кулаком в нос. Чтоб заткнулся и не скулил мне под ухом матом, раздражая и без того расшатанную нервную систему.

– Гро-о-ом, отпусти его, все. Мы вывели всех. Ты слышишь? Отпусти пацана, ты ему зубы выбил.

Первый раз посмотрел на придурка, болтающегося на моей руке – сопляк с прической психопата и осоловевшим взглядом под кайфом.

– На, – толкнул его Романову, – забирай.

– Умойся пойдя, рожа в крови. Через час закрываться. Надеюсь, продолжения не будет. Кто драку начал, потом разберемся. Давно у нас такого месилова не было.

Я снова осмотрелся по сторонам – нет ее. Растворилась, исчезла, мать ее. Как и не было. Резко выпить захотелось. Настолько сильно, что бросило в пот, пробрался к туалету, склонился над раковиной, плеснув в лицо ледяной водой, пахнувшей хлоркой и ржавчиной. В нос ударил запах табака. Суки, кто здесь

курит? И самому захотелось до трясушки. Вытер лицо салфетками и вышел из туалета, пошел на запах сигарет. Толкнул дверь на лестницу и застыл – ОНА сидит на подоконнике у открытого окна. Одну ногу перекинула на улицу, а другую согнула в колене и поставила на мраморную поверхность. Отражается в черном зеркале камня.

– Здесь не курят, – шаг к ней, и сердце набатом отстукивает в висках.

Развернулась ко мне, ноги свесила и уперлась руками в подоконник, дым медленно в мою сторону выпускает и снова затягивается сигаретой. В полумраке огонек освещает ее лицо. Бл**ь, какая же она красивая, идеальная, как ненастоящая! Недосягаемая, словно солнце. Нет, это неправильное слово. Она не просто красивая – она нереальная, породистая, дорогая сучка, которая сейчас меня дразнит, осознавая свое превосходство надо мной. Всем своим видом дает понять, что ей плевать на мои замечания.

Преодолел расстояние, и она резко спрыгнула с подоконника, оказавшись вплотную возле меня. Ниже на полторы головы, смотрит снизу-вверх нагло и томно. Хищница с нежными скулами и бархатными ресницами. Глаза такие светлые, разве что не светятся в темноте. Невыносимые глаза. Мне кажется, ее кожа полыхает жаром, и меня обжигает сумасшествием и осознанием – хочет меня. Как и я ее. До дрожи хочет. По телу судорога триумфа и ноздри трепещут, втягивая ее аромат.

– Оштрафуешь меня?

И все... повело от взгляда этого ведьмовского и от близости ее, поднесла сигарету к моим губам, сам не понял, как обхватил фильтр и жадно потянул в себя дым. На губах появился привкус ее клубничной помады. Протянула руку и потрогала кончиками пальцев порез на моей щеке. Очень нежно, а у меня такое ощущение, что ногтями ведет, пока я в нее вдалбливаюсь, распластав под собой.

– Больно?

– Нет. – перехватил руку, и снова она на мои пальцы смотрит, и меня от этого взгляда колотит, как подростка прыщавого. Затягивается сигаретой, опять дает мне и, приоткрыв пухлый рот, алчно наблюдает, как я делаю затяжку.

– Нарушаешь правила? – голос низкий, чуть хрипловатый, меня трясти начинает от бешеной похоти и понимания, что вот она... способна унять жажду, и в горле сохнуть перестанет, когда наброшусь на ее рот.

– Всегда, – толкнул к стене, обхватывая двумя руками за голову и впиваясь в ее губы своими. Выдохнула мне дым в горло, а я жадно проглотил и протолкнул язык поглубже, требуя ответа, выдирая его из нее, сильнее сжимая голову, впиваясь пальцами в шелковые волосы. Бляяаяядь, она именно такая, как представлял! Утоляющая жажду. Сладкая. Невыносимо горько-сладкая. И кажется, что я когда-то давно уже все это пробовал, а потом потерял. И искал. Всю гребаную жизнь я искал этот вкус, запах, голос, взгляд. Всю ее искал. Застонал от вкуса свежего дыхания и от того, как забился её язык о мой, взрывая в крови искры чистейшего кайфа, от которого трясет в лихорадке предвкушения. Ладони Незнакомки заскользили по моей груди, притягивая к себе за ворот рубашки, а я углубил поцелуй, сатанея от того, что она мне отвечает. Дикость какая-то, но я хотел ее до исступления. Ни черта подобного со мной никогда не происходило.

И вдруг оттолкнула от себя, я снова набросился на ее рот, но она впиалась мне в губы зубами и расхохоталась, когда я отпрянул назад, трогая их кончиками пальцев, растирая между ними кровь. К себе рванул за тонкую талию, сжимая волосы на затылке, чувствуя, как скользит упругая грудь с острыми сосками по моей груди. Хочу ее сейчас. Прямо здесь. На этом подоконнике. Светло скулы, и внутри нарастал смерч похоти. Но Незнакомка вдруг сильно оттолкнула меня от себя с надрывным «нет», и пока я пытался отдышаться, ослабив хватку на ее талии, вывернулась из рук, как змея, и бросилась бежать. Я пытался удержать. Но лишь успел ухватиться за цепочку, рванул к себе, и она так у меня в руках и осталась. Побежал за ней. В два прыжка преодолел несколько пролетов лестницы. Споткнулся о туфли – моя ядовитая золушка сбросила их, чтобы быстрее от меня бежать. Проехался на повороте по скользкому полу, не вписавшись в следующий пролет, рывок назад и вниз, сломя голову, как пацан, следом за ней. Выскочил на улицу. А она уже такси поймала и укатила в никуда. Твою ж мать. От разочарования из горла вырвался стон. В руках ее цепочка и туфли, а за поясом назойливо затрещала рация.

– Где ты? Мать твою, сученыш дядю позвал

– Да хоть тетю.

– Его дядя – Олигарх

– И что?

– Кличка. Вы у себя о таком не слышали?

– Я не по братве был.

– Давай, дуй сюда. Сам с ним говорить будешь. Охотник не приедет – ему видео скинули. Говорит, Олигарх в своем праве печень тебе отбить. Расхлебывай, новенький.

Расхлебаю, не впервой. Выключил рацию и на туфли опять посмотрел. Потом, не спеша, отнес их в машину, положил на пассажирское сидение, поправил ствол за поясом и пошел обратно в клуб.

Глава 3. Зоряна

Он меня не узнал. Я даже не рассчитывала на иное, да и не хотела, если быть честной с самой собой, предпочла бы, чтоб никогда и не вспомнил ту дуру с преданными собачьим глазами, готовую ради него под машины бросаться и дать об себя вытереть ноги, лишь бы только посмотрел.

Да и вспоминать-то особо нечего. Вру я, конечно, есть что, иначе не изводилась бы так. Не забыла его. Старалась изо всех сил, жизнь себе красивую строила, раскрашивала. Лепила, а под всей мишурой все та же дура бесхребетная, безответно влюбленная в человека, который имя ее толком запомнить не смог. Да, первых не забывают. Первые – это навсегда до самой смерти. Будут вторые и десятые. Но первый – вечность, как и последний.

Иногда глаза закрою и думаю о нем, как жизнь его сложилась, счастлив ли он, получил ли повышение, фанатик чокнутый. Есть хорошие менты. А Громов был не просто хорошим, а фанатично честным ментом. Повернутым на работе своей и правильности. На соблюдении законов и всей этой ерунде патриотической. Чем-то на отца моего похож, такой же патриот ненормальный.

Сейчас, спустя несколько лет, я понимаю, насколько был особенным мой первый вечный. Такие редко встречаются. Таких нет уже в наше время. Представляла, каким стал спустя столько лет, и была уверена, что повышение получил, и дети, наверное, выросли уже, а может, жена ему и третьего родила. При мысли об этом больно стало, как будто не прошли годы, как будто мне не двадцать два, а опять шестнадцать... и я опять узнала, что его жена второго ребенка ждет, и опять хочется вены исполосовать или под трамвай, чтоб не болело так. Но я трусливая, поэтому жить буду и вечно гореть живьем. Счастливые те, кто могут дальше жизнь свою строить, переключаться, других умеют любить.

Но никто не забывает свою первую любовь никогда, она может померкнуть, поблекнуть тонами, вызывать всего лишь меланхолию, но забыть ее невозможно, потому что это самое острое, что ты испытал в жизни. Потом может быть сильнее, ярче, больнее, но никогда все это не перечеркнет самую первую агонию и то, что чувствовал в тот момент.

А больнее, чем с ним, мне не было никогда. Мне вообще было никак. Удобно. Правильно, как надо. Могло и не быть – я б тоже не огорчилась.

«– Зоренька моя, что ж ты как лед холодная? Ну посмотри на меня. Я тебя люблю. – голос мужа в голове настойчиво и раздражает, – Смотри на меня. Вот так. Неживая ты. Красивая и неживая».

Потом я научилась быть другой. Играть научилась, как на большой сцене, манипулировать, притворяться, использовать все, что дала мне природа, против тех, от кого мне что-то было нужно. И прятать все, что внутри происходит, зашивать глубоко в сердце, которое так и не сумело биться для кого-то ещё. Оно застряло в прошлом и стучало только там. Для него. Конечно, кто-то посчитает, что это ненормально. Но никто не знает и никогда не узнает, почему я не могу его забыть. Никто и никогда не будет мною, чтобы понять, а я никому и не пожелаю этого. Даже если сильно захочу, это невозможно... избавиться от боли. Потому что слишком часто ее чувствую. Так часто, что другая на моем месте давно бы с ума сошла. И я сходила. Медленно. Каждый день. И ни одна живая душа не догадывалась об этом. Ни одна, кроме матери и сестры. Но и они предпочли сделать вид, что все позади и что все забыто. Так удобнее и лучше для всех. Единственное, что у меня оставалось – это танец. Там я могла быть сама собой или же, наоборот, кем-то другим. Взлетать к звездам и плакать взмахами рук-крыльев или полетом в высоком прыжке под громкие

аплодисменты с очередной скалы прямо в пропасть собственных иллюзий, а потом собирать цветы на сцене, грациозно кланяться и с улыбкой идти за кулисы.

Первая любовь и первая боль – горький коктейль. Я его вкус запомнила навечно, он во рту горчил, едва имя Олег услышу или увижу кого-то похожего на него. Мы ведь ищем похожих, невольно сравнивая и выбирая либо максимальное соответствие, либо антипод, чтоб никогда и ни за что опять не болело. Я выбрала антипод. Точнее, он выбрал меня, а я смирилась. Я не знала, что в жизни может быть по-другому. Я просто позволила Денису заботиться обо мне и любить меня. Своеобразно любить, как он умел и хотел. Меня же волновал лишь балет и моя карьера, которой он немало поспособствовал. Я обеспечивала маму и иногда помогала сестре и даже была в какой-то мере счастлива. По крайней мере, мне так казалось до того самого дня, пока не поехала с гастрольями в тот город. Денис как раз занялся там своими делами, которые меня совершенно не интересовали, я предпочитала не вникать в деятельность мужа. Он организовал мне турне на несколько дней, и я испугалась, когда поняла, куда мы едем. До того самого момента, пока не приземлился самолет, я клялась себе, что не сделаю ни одной попытки с ним встретиться. Я была уверена, что выдержу. Ведь все в прошлом, у меня давно другая жизнь... и первое, что я сделала, едва осталась одна – это поехала к тому дому, где когда-то жил ОН, чтобы увидеть... и увидела. Как конченый наркоман, который самоуверенно решил проверить силу воли и подержать наркотик в руках... я сама не поняла, как сделала себе инъекцию внутривенно.

А ведь нам лишь кажется, что померкло, никогда нельзя трогать и подсыпать дров в погасший костер, нельзя дуть на него и высекать искры потому что от внезапной вспышки можно сгореть дотла. И я загорелась. Увидела его и запылала, как факел. Проследила, куда пошел, уверенно следуя за ним на машине, и поехала туда вечером вместе с Валею – моей подругой и личным дизайнером. Волновалась дико, руки дрожали и дышать нечем было, лихорадило... а он просто не узнал. Вообще не узнал. Но мимо меня теперь не посмотрел, я уже не девочка с острыми коленками без груди, а известная балерина и модель, мужчины мне вслед головы сворачивают, и я прекрасно об этом знаю.

«Заря моя ясная, ты так прекрасна. Мужики челюсти теряют, когда ты проходишь мимо. А ты моя. Моя?»

– Конечно, твоя, любимый.

– Смотри мне. Я жадный. Я своим делиться не люблю».

Сколько лет прошло, и я, естественно, изменилась.

Когда все произошло мне уже шестнадцать было. Коленки острые, ключицы торчат, волосы пострижены под мальчика, и даже намека на грудь не было. В кабинете его сижу, слезы глотая, а он вопросы свои ментовские задает и даже не смотрит на меня. Красивый до дрожи в форме. Настолько красивый, что я рот приоткрыла и глаз отвести не могу, пока пишет что-то, и ресницы тени на скулы отбрасывают. У него губы гладкие, сочные, очень чувственные, я на изгиб смотрю, и мои собственные покалывают от жарких картинок. Сколько раз я их в фантазиях крутила, не счесть, как к моим губам его губы прижимаются. Потом голову резко ко мне поднял, и я по глазам поняла – никогда не замечал, понятия не имеет, что я в его подъезде живу в квартире этажом ниже, нет меня для него – ничто. От разочарования в глазах защипало.

– Первый раз кошелек украла или раньше тоже воровала?

Жестко спрашивает. Не жалея.

– Н... нет. Не воровала.

Ручку шариковую на стол со щелчком положил и руки за голову закинул, глядя на меня.

– Не пойму я, Оскольская, что не так с тобой? Оценки хорошие, характеристика из школы балетной, не богатые, но и не бедствуете, все идеально. Какого черта украсть решила?

Я губу прикусила и к окну отвернулась. Как я ему скажу почему? Как я вообще признаюсь, что влюбилась в него, как идиотка, и что не было у меня способа вот так с ним – друг напротив друга. Что переезжаем мы скоро навсегда в другой город. А я не хочу. Я люблю его уже три года до безумия. Так люблю, что жить без него не могу. Мне ничего не нужно от него. Только видеть, запахом дышать.

Он ведь даже не здоровается со мной, когда я во дворе мимо прохожу. Я здороваюсь, а он нет. Как рядом с пустым местом стоит. А мне все равно... я тогда б у его ног котенком лежала и просила меня погладить, всего лишь дотронуться.

Увидела его первый раз, когда он в квартиру эту переехал. Отец помог комод перенести из машины вверх по лестнице, потому что тот в лифт не вмещался, и сестра меня старшая в бок толкнула, когда я уставилась на мужчину в милицейской форме, широко раскрыв глаза. На то, как капли пота по его скулам катятся, и одежда насквозь промокла. Мышцы под загорелой кожей перекатываются словно у дикого хищника от напряжения перед прыжком. Красивый. Нет. Не потому что я влюбилась. А по-настоящему красивый. В самом общепринятом понимании. Такой, на которых женщины смотрят и тут же дышат чаще и взглядами провожают. Еще и в форме. Я была всего лишь тринадцатилетним подростком, и меня ослепило, я больше никогда и никого не видела, кроме него.

– Что рот раскрыла, Зарка? Мента никогда не видела? Между прочим, женатого! – и заржала. А я ее за это за волосы оттащила. Сцепились тогда ужасно.

– Откуда знаешь?

– Кольцо, дура полоумная. Кольцо у него на пальце. Слезь с меня, психопатка.

Так мой мир и разрушился. Раскололся на осколки и посыпался к его ногам, к зеркально вычищенным ботинкам. А он даже не заметил, что я существую. Влюбилась я в него так, как в моем возрасте в актеров влюбляются или в певцов. Вот все мои ровесницы – в звезд, а для меня он звездой был. С первого взгляда крышу сорвало, и так ничего и не изменилось. Лерка, сестра моя, думала, что блажь это. Она старше меня на три года и каждый месяц любила кого-то другого до смерти. А потом так же высмеивала и терпеть не могла. Ей мои сопли-слюни и слезы по соседу-менту казались глупыми и ужасно забавными. Я всегда считала, что любить можно только один раз в жизни одного мужчину, и что, если не повезло, с другими все равно не получится.

Никого не замечала, ни одноклассников, ни тех, кто постарше. Я только Олегом бредила. Все про него знала: и каким парфюмом пользуется, и какие сигареты

курит, и во сколько на работу встает, и на каком троллейбусе ездит туда, пока машину служебную не получил. Каждый день один и тот же ритуал – из окна смотреть, как он на работу уходит, как жена его (красивая, словно кукла) следом, бывает, выбегает отдает ему обед, который он забывает. Как целует его... а я глаза до боли закрываю, чтоб не видеть их вместе. Чтоб не знать, что у него она есть. В моих фантазиях это я к нему выбегала на улицу с бутербродами в пакете, и я целовала в губы жадно. И за два года ничего не изменилось, кроме того, что жена его перестала на улицу выбегать, и все чаще слышали из-за двери их квартиры, как скандалят они. Последний раз, когда с ним поздоровалась, долго поджидала у подъезда. Платье новое надела, волосы распустила и на плойку накрутила, а он даже не взглянул в мою сторону, буркнул «здрасьте» и лифт вызвал. Я тогда в слезах в ванную забежала и все волосы срезала почти под корень. В школе решили, что у меня вши, и все держались подальше, а мне плевать было. Что такое вши по сравнению с моим горем, с моим безответным помешательством?

– Ну, что молчим, а? Отвечать будем?

Смотрит исподлобья, пытаюсь прочесть, о чем я думаю, но он никогда б не догадался, что я на него налюбоваться не могу, что впервые вот так близко вижу, и мне хочется, чтоб задержал и даже посадил, лишь бы его каждый день видеть.

– Зачем взяла кошелек?

– Голодная была.

– Врешь, Оскольская, ты до этого пообедала на деньги, которые мать дала. Зачем?

– Я уже сказала.

А он вдруг резко вперед подался, за шиворот меня схватил и к себе через весь стол перетащил.

– Я тебя, сучку малолетнюю, в колонию посажу, поняла? Мать за дверью плачет, отцу на работу звонили, а ты мне тут в несознанку играешь? Быстро сказала, какого хрена кошелек у Алферова украла? Навел кто?

Всхлипнула и вздохнула поглубже, потому что глаза его светло-голубые смотрю и в них отражение свое вижу. Выдохнуть не могу, меня ведет, как будто я на карусели лечу.

- Захотелось. Что вы орете на меня? Украла и все. Нет никакого смысла и подтекста. - а сама на губы его смотрю, - У вас губы пахнут мятой. - не знаю, зачем сказала. Сама не поняла, как вырвалось, а он от удивления разжал пальцы, и я сползла обратно на стул.

- Короче так, Зара...

- Зоряна я, а не Зара. Зара - это совсем другое имя.

- Плевать, хоть зорька ясная. Так вот, слушай меня внимательно, дура малолетняя. Ты сейчас отсюда вместе с матерью выйдешь, и чтоб не видел я тебя больше, ясно?

- Нет! Ничего мне не ясно! Я украла - накажите меня!

Я же перееду через месяц. Они же увезут меня в столицу. Пожалуйста! Как ты не понимаешь, что я перееду и не увижу тебя больше никогда?! Накажи. Посади меня за это. Сделай хоть что-то, чтоб они меня не увезли.

- Кошелек вернула - дело закрыто.

- Нннет... не вернула. Я там сто рублей потратила. Меня задержать надо.

- Заткнись!

Рывкнул так, что я от неожиданности язык прикусила и на глазах слезы выступили.

- Заткнись, я сказал! Не до кошелька мне этого, ясно? Все, давай, вон пошла! Спасибо скажи маме своей и вали отсюда.

– Она вам денег дала, да? Поэтому вы меня отпускаете? Продажный мент, вот вы кто!

Теперь он уже меня не просто за шиворот схватил, а за затылок приподнял и в стену вдавил.

– Ты чего добиваешься, идиотка? Сесть хочешь? Ты на малолетке ноги протянешь в первый же день. Там таких отличниц, как ты, щелкают орешками. Зэчки оттрахают во все дыры и сделают из тебя подстилку.

Он говорит грубости пошлые и мерзкие, а у меня дух захватывает, и дыхание рвет. Все тело в его руках дрожит, и глаза закатываются.

– Пусть... я ведь в предварительном здесь буду... с вами рядом, да?

И тут с ним что-то происходит, пальцы медленно разжал и в глаза мне смотрит то в один, то в другой.

– Ты чокнутая?

Киваю и тоже на него смотрю, пальцами тронула ссадину на скуле, но он мою руку откинул.

– Чокнутая, да? Совсем больная? ВОН ПОШЛА!

Заорал прямо в лицо, потом схватил под руку и вытолкнул в коридор.

Мать тут же ко мне бросилась, а я лицо руками закрыла и в слезы, на улицу. Только услышала, как она у него спрашивает:

– Все, да? Отпустили? Я же говорила она не виновата, нам переезжать скоро. Нервничает сильно. Подростку школу менять, а муж военный. Спасибо вам.

Господи, мама, что ж ты лезешь то во все, что ж ты все не то говоришь?

* * *

Теперь он меня замечал, но все равно не здоровался. Мимо проходил угрюмый и холодный, как насекомое какое-то мерзкое, путающееся под ногами, стороной обходил.

А я вслед ему смотрела, чувствуя запах спиртного и видя, как пошатывается, а потом из-за двери крики его жены и плач ребенка. Она тогда ушла вечером вместе с мальчиком, что-то крикнула ему и со всей силы шваркнула дверь и не вернулась. На меня посмотрела равнодушным взглядом и потащила сына вниз. Мальчик упирался, кричал, что хочет с папой остаться, она ему подзатыльника дала и в такси затолкала. Олег после нее ушел. А я осталась сидеть на ступенях, ждала, когда вернется. Хотела спасибо ему сказать, что отпустил, и извиниться за то, что про деньги сказала. Ничего ему моя мать не давала. Точнее, пыталась подсунуть, но он не взял. Я слышала, как они с отцом говорили об этом. И обо мне говорили, о будущем моем. О том, что отец договорился, чтоб меня в самую лучшую балетную школу взяли, а Лерочка, конечно, поступит на врача. Я ворвалась к ним и сказала, что ненавижу обоих. Что они мне этим переездом всю жизнь портят! Что только о Лерке и о себе думают.

Услышала, как машина подъехала, бросилась к окну в подъезде, и тут же сердце судорожно запрыгало в горле, и дух захватило. Приехал! Один! А потом вся радость испарилась, его шатало так, что он с трудом дошел до подъезда, уселся на крыльцо в куртке поверх голого тела и голову руками закрыл, и я бросилась вниз через ступеньку, чтобы помочь подняться наверх. У него рана на боку ножевая, и кровь сочится, течет по ребрам.

- О, Боже! Вы ранены! Промыть надо.

- Черт, ты кто, девочка? - спросил, поднимая на меня пьяные глаза.

- Зоряна. Помните меня?

Отрицательно качнул головой, и у меня снова внутри все сжалось.

- Вы меня недавно отпустили. Я кошелек украла.

- У меня таких воровок, - провел большим пальцем по горлу, - чего не спишь?

– Вас ждала.

Усмехнулся, и дышать стало еще труднее, потому что от его улыбки можно было сойти с ума. Особенно такой – чуть глуповатой и пьяной.

– Меня? Зачем?

– Извиниться хотела.

Все это время я помогала ему подниматься по ступенькам, так как лифт не работал. Остановились оба.

– За что?

– Я сказала, что вы мент продажный.

Он расхохотался, пытаясь дверь ключом открыть, я помогла, и мы вместе ввалились в прихожую его квартиры. Рану я не промывала, он с горлышка водки отпил и сам вылил на порез, пока я суежилась в поисках перекиси водорода.

Потом я тащила его в ванную, помогла переодеться и даже на кровать уложила и на краю сама легла. Не заметила, как уснула... а проснулась, когда он меня в шею целовать начал и по груди ладонью провел требовательно, под себя подминая и ноги раздвигая коленом.

– Маленькая моя... голодный я. – от него водкой несет и сигаретами, а мне кажется, что так рай пахнет, и я губы подставляю ему свои и грудью о ладони его трусь, выгибает всю, когда рукой между ног водит, задирая сарафан на пояс, – хочу тебя. Пахнешь сегодня особенно... как когда-то давно, когда первый раз тебя.

Было больно. Невыносимо и очень больно. Я даже плакала. Нет, не вырывалась, не дергалась, просто лежала под ним и плакала от боли и от счастья. Это в книгах пишут о первых оргазмах, о страсти внеземной, о ласках. Мне не нужно было всего этого, меня трясло только от того, что понимала – он со мной. ОН. На мне и во мне. Двигается, стонет хрипло, грудь мнет ладонями. И мне нравится, как мнет. Нравится тяжесть его тела. Олег глаза так и не открыл, в губы губами

ткнулся и на спину перевернулся, засыпая. Я на часы глянула и в ужасе домой, в ванную. Сидеть на краю и на отражение свое в зеркало смотреть, понимая, что только что произошло. И что я теперь женщина... его женщина.

Дура! Какая же дура! Не была я его никогда. Он даже не помнил, что трахал меня и девственности лишил. Так и смотрел дальше, как на насекомое. А мне повеситься хотелось или его убить. Взять у отца ствол и всадить ублюдку пулю между глаз.

Потому что утром его жена вернулась... я ее из окна увидела и губы до крови закусил – живот её заметил. Вчера нет, а сегодня при свете дня в этом платье так отчетливо видно было. На лестницу вышла и услышала, как дверь открыл наверху ей.

- Не буду пить... не буду. Справимся мы. Я уверен, что справимся.

И он наверняка справился... а я – нет. До сих пор нет.

Глава 4. Олег

Несколько крутых тачек стояли прямо у входа. Значит, Олигарх на разборки ездит со свитой, самому, видно, слабо. Я внутренне подобрался и подумал о том, что, если придется стрелять, то мишень точно не одна будет. Я бы мог здесь уложить всех, но на нары не хотелось, а я далеко не при исполнении, и посадят, как пить дать, невзирая на то, что каждый из этих тянет на парочку сроков. Да и сесть за лошкa какого-то особо не хотелось. На зоне не рады ментам, даже бывшим. Посмотрел на своих, если можно так назвать, людей, с которыми знаком всего пару дней, но, кроме любопытства и некоей отрешенности, ничего на их лицах не увидел. Скорей всего, не вмешаются. И хрен с ними. Сам справлюсь. И не в таком дерьме побывать успел. Вошел в опустевшую залу, на всякий случай прикинул, как уходить буду, если все же разговор с Олигархом выйдет, мягко говоря, напряженным. Но внутри клуба продолжала играть музыка, и у барной стойки стоял мужчина в элегантных брюках с перекинутым через локоть светлым пиджаком и бокалом виски в руках. На пальцах поблескивают кольца. Я его мысленно просканировал: от кончиков начищенных до блеска туфель и до блестящей лысины. Моднo нынче стало

растительность небуйную под ноль сбривать. Брутально.

Он стоял полубоком ко мне и о чем-то беседовал с барменом. Явно они знакомы, тот, заискивая, лимончик нарезает и ржет, сука. Значит, либо Олигарх здесь уже не раз бывал, либо те пообщаться успели в другом месте. Потом вдруг голову вскинул, меня заметил, и лыба пропала. Что такое, говнюк? Обо мне говорили?

Быстрый взгляд по сторонам, отметив, что неподалеку от Олигарха расположилась его «мебель»: три шкафа с совершенно нетоварными квадратными фейсами и такими же лысыми головами – прям группа поддержки. И некое подобие «комода» низкого роста с модной бородкой по сотовому говорит, но глаз с босса не спускает. Главная и любимая шестерка Олигарха. Судя по количеству машин, снаружи еще парочку шкафов бродит, как минимум. Если не тупые, то черный вход тоже бдят, и хрен я отсюда выскочу, если что не так пойдет.

Я сунул руки в карманы и несколько шагов к бару сделал. В этот момент Олигарх обернулся, и я почувствовал, как округляются мои глаза и брови ползут вверх. Деняяя, мать его! Это же Деня! Мой друг детства, с которым мы не один пуд соли, по которому тосковал больше, чем по матери родной и по отцу.

– Деняяя! Златооов! – проорал и чуть присел от того, что сердце запрыгало, как чокнутое, где-то в горле.

– Гром! Громищееее!

Я кинулся к другу и схватил в охапку, приподнимая и сдавливая ребра. Ко мне тут же бросились шкафы, но Деня рявкнул.

– Вон пошли! Это же друг мой! Олег Громов! Засрааааанееец! Откуда ты взялся?

Теребит меня за плечи, как и я его. От смеха скулы сводит, и даже слезы на глазах выступили.

– Так это ты моего племяша погладил?

Киваю, а он смеется, заливается. И смех, как в молодости, заразительный, громкий, дурной. Конь. Черт бы его побрал, как я рад его видеть!

– Значит, достал говнюк, да?! Ты просто так гладить не будешь, ты у нас вроде как уравновешенный.

Мы оба знали, что это сарказм и неуравновешенным из нас был именно я.

– Был! Был, Деня. Теперь чуть что – за пушку хватаюсь или промеж глаз.

– Хорошо, что раньше без пушки! Охренееет. Как и не было двадцати лет, Гром. Такой же придурок.

Теперь смеюсь уже я. Детство девятым валом захлестнуло. Как будто мне не под сороковник, и я только школу окончил. Распирает всего, трясет. Денис снова стиснул меня так, что из глаз искры посыпались.

– Эй, нам накрой пожрать в вип, коньяк самый дорогой неси, и чтоб не мешал никто. Парней распусти. Разборки отменяются.

– Денис Витальевич, у вас встреча, – забормотал «комод» и нервно забежал вокруг нас.

– Отмени. Все отмени. Какие к черту встречи?! Братуха мой здесь! Ты знаешь кто это, Леха? Знаешь кто? – потрепал меня по волосам, – Это друг мой с первого класса еще. С одного двора. С одной, мать ее, песочницы! Я его не видел долбанные двадцать лет! – обернулся ко мне, и глаза от радости сверкают, и я сам... аж трясет всего от эмоций. Да, мой братуха. Дружба у нас была какой вовек не сыщешь. Сдохнуть могли друг за друга. Пока он не уехал с родителями в столицу.

– Я ж искал тебя, Громище! Ты съехал оттуда и как в воду канул. Громовых блин... как собак, сам знаешь. Думал, уехал ты север покорять, как мечтал. Давай, присядем. Черт, рад я тебе, Гром! Рад, п***ц как!

* * *

Через час сбивчивых рассказов и воспоминаний с сумасшедшими воплями и гоголом мы уже знали почти все друг о друге. Деня подливал мне коньяка, и мы выкурили все его сигареты, и ему тут же принесли еще одну пачку. Изменился он, конечно. Из пацана своего в доску в потрёпанных штанах и вечно грязной футболке превратился в человека с глянцевого журнала. Я себя рядом с ним ощущал рванью подзаборной. Без зависти или сожалений. Мне это было незнакомо. Просто констатация факта. Если б не дружба наша, такие, как Златов, в сторону таких, как я, даже не смотрят. На нем лоск невидимый. Налет денежный. Такие вещи видно невооруженным глазом. И дело не только в дорогих шмотках.

- И кто ты теперь, Деня? Олигарх?

- Типа того. Дело свое открыл за границей, подфартило мне - я там бизнес продал и начал здесь недвижимость покупать. Потом нефтью занялся и автозаправки открыл. «ЗлатоНефть» слышал?

Не просто слышал - это он прибедняется. «ЗлатоНефть» - самая крутая у нас сеть по всем городам. Только не думал я, что название от фамилии его происходит.

- Твои, значит?

- Мои, - кивнул без лишнего пафоса, но с гордостью и снова коньяка себе налил, - детище мое. Нюансов много, конечно, но вот так и живу. Приехал в дыру нашу культуру города развивать. Театр оперы и балета новый строить на центральной улице задумал по европейскому образцу. В депутаты баллотируюсь в следующем году. А ты, Гром?

- А я? - усмехнулся и залпом осушил бокал, - А я мент, Деня. Бывший, правда, но, сука, никак привыкнуть не могу к этому. По утрам на работу подрываюсь.

- Че бывший? - съел лимон и внимательно на меня посмотрел. Взгляд цепкий, колючий - Хочешь, восстановлю?

- Аааа... на хер! - я махнул рукой и уже сам себе налил, но Деня накрыл мой бокал ладонью.

- Рассказывай! Что стряслось? За что уволили?

И я рассказал. Наверное, впервые за все это время я кому-то смог рассказать. О рогах неприятно чужим людям расписывать, чувствуешь себя идиотом последним, лохом, которого сделали. А сейчас понесло меня. Говорю. А самого опять трясти начинает и хочется удушить и ее, и козла того. Деня меня не перебивал, и я просто сидел и выговаривался, глядя в одну точку и выкуривая сигарету за сигаретой. А он слушал и так же курил вместе со мной.

- Убил бы её, суку, и его тоже!

- Я хотел! Деня! Я хотел, мать его! Но дети... и сесть из-за падали?

- Тоже верно. Мудак! Кто его отец говоришь? Может, скинуть его с пьедестала, а? Ты скажи!

Я внимательно на друга посмотрел, и где-то в затылке кольнуло неприятно. Значит, не впервой ему, раз предлагает. Не так-то ты прост, как хочешь казаться, Деня.

- Не надо. Оставь. Она с ним живет и дети тоже. Пусть живут. Проехали. Переживу.

- Ага, блядь, я вижу, как ты пережил. Без работы, бухаешь, потерянный какой-то, убитый!

На это я смолчал, потому что прав он. Потерянный я. Сам не знаю, где и зачем живу. Всего пару дней назад как дышать начал, когда девчонку эту встретил. В зеркало на себя посмотрел хотя бы, и губы до сих пор зудят после поцелуев наших бешеных. Ничего, завтра пробью по своим еще раз и найду. Должен найти. Вспомнил про ее туфли в машине, и адреналин в висках запульсировал.

- Ты сам-то женат? - спросил у Дениса, откидываясь на спинку дивана и чувствуя, как алкоголь затуманил мозги и расслабил окончательно.

- Женат, - кивнул Денис.

- На ком? Кто-то из наших? Не Морозова случайно?

Мы расхохотались, и он наставил на меня указательный палец, кашляя и вытирая лицо салфетками.

- Не... ну, ты даешь! Запомнил, что я по ней сдыхал. Не Морозова, конечно. Она тварь упрямая оказалась, несговорчивая. Не нравился я ей. Правда, приехал через пару годков и таки трахнул ее сучку. Она уже замужем была за лошарой каким-то безденежным и двое по лавкам. Предлагал ей со мной в столицу, она отказалась, - он развел руками, - сказала, любит Ваню своего. Любит, б***ь. Так любит, что пару дней с работы ко мне в гостиницу бегала и сосала так самозабвенно и смачно, что губы потрескались. Любит она. Короче, ну ее шалаву. Я забыл о ней давно. Самое интересное - с Ваней своим все равно развелась. Только кому она теперь на хер нужна дура сороколетняя с обвисшими сиськами и задом?!

- Ну годы никого еще не украсили, и к женщинам они более беспощадны. - не понравилось, как он о Наташке. Мы оба в нее тогда влюблены были, и я уступил, потому что он первым мне об этом сказал. Табу у нас было - баб не делить. Их до хрена, а друг один навечно. Но Наташка никого из нас не выбрала и Деню отшила после выпускного. А он теперь о ней, как о швали, - Так на ком тогда?

- Девочка совсем. Увидел в театре и все, и п****ц, Гром. Крышу снесло.

- С каких пор ты по театрам?

- Так я спонсор. Будущий депутат добро творить должен аки ангел. Отстраивал театр в Мухосранске одном и увидел там. И все.

- Ну поздравляю.

- Не с чем особо. Кукла она. Красивая, умная, шикарная кукла. Люблю ее и понимаю, что манекен рядом. Не надо ей ничего. На своем чем-то повернутая. В себе вся. Бабы обычно поболтать любят. А она молчит всегда. Не просит, не требует. Как не от мира сего. Понимаешь? Живет вот как есть, и все. Но я без нее не могу.

Я усмехнулся, увлеченно как рассказывает и притом с горечью. Будто и не о жене говорит. Видно, что без ума от нее и в то же время... а мне какое дело? Чужая семья. Сегодня так говорит, завтра скажет по-другому. Я сам свою то любил, то терпеть не мог, то осточертела, то соскучился. Хуже, когда пусто внутри и ни черта нет там.

У Дениса, не переставая, трезвонил сотовый, и он наконец-то ответил. Тут же стал намного серьезнее, бокал отставил в сторону. Потом на меня посмотрел.

– Я в Европу еду на несколько дней, вернусь – поговорим о работе твоей. Мне в охрану свой человек нужен. А насчет племяша моего забудь. Не племянник он мне. Я его раз в жизни видел. Сын мужа моей сестры двоюродной от первого брака. Седьмая вода на киселе. Но я с папашей его дела некоторые верчу. Я б ради него хрен сюда приехал, да дела у меня с начальством твоим имеются и с хозяином гадюшника этого. Прикупить его хочу, а он заартачился, а тут повод такой подвернулся. А вообще, не будь это ты, вынесли б тебя отсюда вперед ногами.

– Даже так?

– Ну, а ты, что, думал, племяша Олигарха можно безнаказанно бить? За такое минимум без зубов остался бы.

– Это шкафы твои, что ли, стоматологи?

– Они, конечно. У меня команда ух! Рембо все, как на подбор.

– Ну да. С ними дядька Мухомор.

– Что?

– Ничего. Я б твой отряд уложил в шеренгу на полу, и вряд ли ты сразу опознал бы кто из них кто.

Деня вздернул бровь.

– А это серьезное заявление, Гром. Леха – профессионал, он меня уже десять лет стережет.

– Вот именно – стережет. Надо защищать от любой угрозы, а не стеречь. Шкафы твои только на вид грозные. А так – идиоты на самом деле.

Он встал из-за стола, и я за ним.

– И как бы ты это сделал? Как ушел бы отсюда?

– Ну я бы уложил вначале Мухомора твоего с бородкой, так как он ближе всего ко мне стоял, у него ствол из-за пояса забрал бы, тебя за горло и вот этого и этого в голову сразу со ствола Лехи-профессионала. А ты б меня к машине вывел, я б потом тебе мозги вышиб и на твоей тачке уехал. Ну это так навскидку и по-быстрому, импровизируя. Но если б пришел тебя убить, действовал бы обдуманно и еще в самом начале на улице всех твоих «поснимал».

– Крутой, че! – ударил меня в плечо и расхохотался, и я вместе с ним, – На меня работать будешь. Это даже не обсуждается.

Я слегка пошатнулся и схватился за его плечо.

– Надрались мы с тобой, Олежа. Домой тебя отвезет мой человек. Ну... давай. А, нет, подожди. Друзья...

– Навек. Пока не сдохнем.

– Кто предаст...

– Тому ножом в глаз!

– Ты смотри, помнит. Он помнит. Ууууу, Громище, как же я рад видеть тебя.

Мы рассмеялись и снова обнялись.

– Ты это... кончай бухать, Гром. Знаю, жизнь дерьмом бывает, но она, сука, одна и прожить ее в пьяном бреду обидно. Давай. Я тебя наберу.

Глава 5. Олег

Я ее искал. Очень тщательно, профессионально, но создавалось гребаное впечатление, что ее и не существует. Нету человека и не было никогда. А у меня ни фото, ни имени, ничего. Лишь примерно – как выглядит и возраст тоже навскидку. Чудовищно мало. Ищу, как иголку в стоге несгораемого сена. И от одной мысли, что не найду никогда, становится так паршиво на душе, что нажраться водки до чертей наяву хочется. Я как будто что-то важное в своей жизни увидел, пролистал по дурости вперед и вернуться на прежнее место не могу, словно не было его никогда. Никогда не думал, что со мной такое может быть. Говорят, чтоб любить человека, его узнать надо, как физически, так и душу, характер. А я вам говорю: чушь это собачья. Любовь – она как запах. От него или мгновенно ведет, или уже никогда. Можно привыкнуть к запаху, и даже он может начать нравится со временем, но разве это сравнится с тем ароматом, от которого глаза закатились и сердце забилося в три раза чаще? С любовью все точно так же. Либо повело так, что на ногах устоять не можешь после первой же встречи, либо ждешь, когда привыкнешь и понравится, потому что тот, от которого ведет, найти практически невозможно, а иногда и дорого... так дорого, что расплачиваться придется далеко не деньгами. И вот я готов был чем угодно. Потому что вот он, настоящий кайф. Все остальное – жалкая пародия.

Я вычислил, в каких магазинах туфли такие продаются. У нее ножка маленькая, нестандартная, думал, легко найду, но не тут-то было: последние пары такой обуви были куплены несколько месяцев назад. Мне дали имена покупателей, и среди них ее не оказалось, когда по базе у своих бывших коллег пробил. Существовала вероятность, что она купила их за границей напрямую в магазинах производителя. Черт! Это одержимость какая-то адская. Никогда меня так от женщины не вело. Еще один бутик для меня Света из отдела по старой памяти откопала. Где-то в центре города открылся недавно, возят эксклюзив из Европы. Налоги пока не платили, находятся в стадии оформления документов, но уже приторговывают. Отстегивают куда следует, и все пучком у них. Последняя надежда на них, и то – если продавцы запомнили, кому продали, и, если рассчитывалась кредиткой, а не налом. Я по полдня рыскал как зверь по городу, а потом ехал на работу, где притихшие коллеги обходили меня теперь

какой-то сто пятой дорогой. Если раньше я был мудаком, потому что мент, то теперь я мудака, потому что с Олигархом оказался близок. Люди всегда найдут причину повесить на вас ярлык, вы никогда не будете хороши на все сто процентов. И даже на пятьдесят. Найдут, до чего докопаться, и обгадят с ног до головы. Потому что в этом их кайф, потому что тогда можно за ваш счет самоутвердиться. Меня сторонился даже наш Толстяк, который на обед со мной ходил. Можно подумать, я теперь пушку вытяну и мозги ему снесу, пока он свои бутеры трехэтажные жрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/chuzhaya-zhenschina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)